

Я открыла глаза и осторожно потянулась. Диван тотчас же откликнулся на это движение натужным скрипом. «Вроде бы матрац не пружинный, чему же там скрипеть?» — в который раз удивилась я, хотя дала себе слово больше никогда и ничему не удивляться. Особенно собственной глупости. Нет ей предела!

За окном вставал серенький рассвет, в комнате было полутемно. «Интересно, дали свет или нет?» — вяло подумала я и сообразила, что на самом деле мне это совершенно неинтересно. Вставать не хотелось — зачем? Мне некуда торопиться, никто меня не ждет — ни дома, ни на работе. Дома нету, работы нету, денег теперь тоже нету, в кошельке остались последние пятьсот рублей. Мама далеко, да у нас с ней в последнее время отношения испортились, как раз с тех пор, как я вышла замуж. Муж? Нет, об этом лучше не думать. Господи, какая же я дура!

С некоторых пор у меня вошло в привычку обзывать себя разными словами, которые, в общем, означают только одно: перед вами абсолютная клиническая идиотка. Без скидок на молодость и наивность. Я, конечно, не старуха, нет еще и тридцати, но и не

пятнадцать лет. Пора бы и поумнеть, говорила мама два с половиной года назад, когда перед свадьбой я привезла к ней Генку для знакомства.

— Шалопай, — сказала мама, оглядев его с ног до головы, — нахал, врун и бездельник. Надо быть полной дурой, чтобы выйти за него замуж.

— Ты говоришь о моем будущем муже! — вспыхнула я. — Изволь выбирать выражения!

Надо сказать, что мама выражений не выбирала никогда. Однако в тот раз она поглядела на меня внимательно, как будто только сейчас разглядела, и сказала более мягко:

— Ну зачем он тебе? Ни денег с него, ни положения. Только заботы лишние.

— Я его люблю! — упрямо ответила я, потому что тогда, два с половиной года назад, все так и было.

— Живите так, — согласилась мама, — не записывайтесь. Если что — всегда сможешь его выгнать.

Разумеется, я маму не послушала. А зря, потому что она оказалась полностью права. Но поняла я это только две недели назад.

И снова, вспомнив про свое замужество, я начала подбирать синонимы к слову «дура». Все-таки какое-то занятие...

Значит, кретинка недоделанная, дебилка слюнявая, это все уже было, и не один раз... ага, в каком-то детском фильме... УО! Умственно отсталая! Вот-вот, это точно про меня, потому что только умственно отсталый человек мог позволить проделать с собой все то, что позволила я. И получается, что ничему-то жизнь меня не научила.

Потому что, когда я вернулась из проклятой Америки (чтоб весь этот континент провалился под землю в одночасье!), выяснилось, что мне негде жить.

Квартиру я продала Генкиным родственникам, но об этом после, нет сил вспоминать. И родственники, которые две недели назад провожали меня с букетами, отчего-то выперли меня на лестницу и бросили вслед чемодан. Хотя, в общем, не имели на это права, поскольку не отдали мне еще все деньги.

Блиzkих подруг у меня нет, Генка всех успешно отвадил, обратиться не к кому, так что я решила снять квартиру хотя бы на первое время. Но цены... Что-то приличное, не за чертой города, поблизости от метро мне явно было не потянуть. Компьютер я продала перед отъездом, так что искать в Интернете не могла. Разглядывая объявления на дощатом заборе какого-то долгостроя, я наткнулась на старушку. Точнее, это она робко тронула меня за руку.

— Девонька, тебе комнатку?

Старушка выглядела очень прилично — детское стеганое пальтецо, поношенное, но чистое, вязаный беретик, такого же цвета варежки. Глаза у старушки были голубые, как слегка увядшие васильки.

— Да мне бы квартиру... — протянула я, — только все дорого очень...

— Это точно, — она часто закивала головой, — квартиру — дорого очень, а у меня комнатка тут близко — и без соседей совсем.

— Как это — без соседей? — удивилась я.

— Знаешь что такое — коридорная система? — рассмеялась она. — Раньше, почитай, полстраны так жило... Ты не спешి отказываться, ты погляди сперва. За погляд-то денег не возьму! Я же вижу — устала ты, замучилась, тебе бы отдохнуть в тишине...

Ее голубые глаза смотрели так участливо, так искренне, что я согласилась.

Идти было и вправду недалеко, минут пятнадцать пешком. Бабуля успевала быстрее меня. По дороге она представилась Анной Викентьевной, отчего-то это старомодное отчество прибавило мне доверия и симпатии. Дом оказался небольшим, всего два этажа. Когда-то был он красивым, даже сейчас сквозь отбитую лепнину и осыпавшуюся штукатурку просматривались строгие пропорции. Вход в единственный подъезд был с улицы, а окна выходили в парк.

— Воздух свежий и тишина, летом птицы поют! — расписывала старушка. — Если бы не пенсия маленькая, то ни в жизнь бы не сдавала, сама бы здесь жила!

Подъезд был открыт, и какие-то смуглые молодые люди носили тюки и сумки. Один из них белозубо улыбнулся старушке и сказал что-то на своем языке.

— Молчи ты! — отмахнулась она. — Ты с ними не разговаривай! — обратилась она ко мне. — Они тут на первом этаже квартируют, а на второй не ходят, там дверь железная, полный порядок.

И верно, на площадке второго этажа была довольно новая железная дверь, выкрашенная рыжей неказистой краской. Анна Викентьевна отперла два замка, и мы вошли.

За дверью был длинный и абсолютно пустой коридор, покрытый серым вытертым, но чистым линолеумом, как в больнице. О том же напоминали двери вдоль коридора. Все они были закрыты, на самой ближней висел даже амбарный замок.

— Нам сюда, — старушка открыла следующую дверь.

Комната оказалась довольно большой и светлой — два окна и правда выходили в парк. Обставлена ком-

ната была скромно — стол, два стула, шкаф и диван, прикрытый аккуратно заштопанным пледом. Занавески на окнах просвечивали от старости, но топорщились бодро. Однако привлекла мое внимание печь. Она занимала весь угол напротив двери и была необыкновенная. Высокая, прямоугольная, от пола до потолка выложенная зеленоватыми изразцами. Я подошла ближе и погладила печь по холодному боку. Изразцы на ощупь были выпуклые, покрытые непонятным узором — не то растения, не то ягоды.

— От старого времени осталась, — обронила старушка, — пойдем удобства смотреть.

Кухня и удобства находились в конце коридора, это и называлось коридорной системой.

— Ну так что, подходит тебе? — спросила старушка, когда мы снова прошли в комнату.

Удобства, конечно, впечатляли, с другой стороны, старуха просила недорого.

— Только у меня условие, чтобы сразу вперед за полгода заплатить! — сказала она. — Я к сестре в деревню уезжаю, так чтобы потом жильцов не искать.

— Полгода? — ужаснулась я. — Нет, так долго я тут жить не собираюсь!

— Не загадывай, — протянула старуха строго, — кто знает, что будет? Значит, не хочешь? А так бы сразу и переехала...

Я представила, что сейчас откажусь и придется идти на вокзал за чемоданом, а потом думать о том, где ночевать. Пршлую ночь я провела в гостинице, содрали жуткие деньги.

Мы поторговались немного с Анной Викентьевной, и она согласилась на плату вперед за три месяца. Потом, удивляясь собственной предусмотрительности, я попросила показать документы.

Старуха обидчиво поджала губы, но показала мне свидетельство о собственности на комнату и договор с агентством по найму квартир. Фамилия менеджера была Фокусов, Антон Фокусов. Я позвонила по указанному телефону, и он подтвердил мне, что все в порядке, договор существует.

Я получила свою копию договора и ключи от комнаты и железной двери. Старушка пожелала мне спокойной ночи и выдала остатки заварки в большой железной банке и три куса сахара. В шкафу нашлось совсем ветхое, но чистое одеяло и одна простыня. Очевидно, в светлое время суток через нее можно было видеть деревья в парке, но сейчас было темно, и я решила не проверять. Прошло всего два дня с тех пор, как я прилетела, я так устала искать квартиру, что решила не ездить за чемоданом на вокзал, а заночевать прямо здесь. Напиться чаю с остатками сахара, да и заснуть. А с утра уж думать, как жить дальше, хорошо хоть проблема с жильем временно решена.

Я вышла и неуверенно зашагала по коридору. Нужно было пройти его весь, потом свернуть в крошечный такой проход, протиснуться мимо странного сооружения — не то бак железный, не то шкаф несгораемый, миновать узенькую дверь туалета, а там уж и кухня. И вот, когда я уже готова была свернуть, открылась ближайшая дверь и на пороге возникла странная личность.

Невысокого роста, какая-то скрюченная, одна нога вывернута пяткой наружу. Одет был человек в застиранную клетчатую рубашу и синие спортивные штаны, пузырившиеся на коленях. Лицо его... да, все же по лицу можно было предположить, что это мужчина, поскольку на левой щеке просматривалась

небольшая чахлая растительность. С головы свисали жидкие космы, и в довершение всего правая щека была подвязана вылинявшим красным платком в горошек.

— Оп-па! — сказал он вместо приветствия. — А ты кто? — при этом левый глаз его подмигнул мне.

— Жанна, — ответила я машинально — когда мне задают вопросы, я сразу отвечаю, только потом думаю. Впрочем, как показали последние события, думать я вообще не умею.

— Стюардесса, что ли? — всерьез удивился он. — А самолет твой где?

— Я тут жить буду, — я решила сразу не обижаться, хотя натерпелась в детстве из-за своего имени, в школе только стюардессой и звали.

— Это где же ты жить намылилась? — теперь рот странной личности дернулся в сторону.

— Анна Викентьевна мне комнату сдала на три месяца, — строго сказала я.

— Чего? — он разинул рот. — Комнату сдала? На три месяца?

Он согнулся, хлопнул себя руками по коленям и захохотал, при этом повторяя: «Ой, не могу! Ой, помру! Ой, держите меня четверо!»

Я повернулась и хотела продолжить свой путь к кухне, но странный тип крикнул сквозь смех:

— Да погоди ты, чего скажу!

Под моим недоверчивым взглядом он снял свой платок и вытер выступившие от смеха слезы. Под платком ничего не оказалось — ни синяка, ни раны никакой, такая же клочковатая бороденка.

— Напарила тебя старуха, — серьезно сказал он, — развела на деньги.

— Это как? — я отступила от него к стене.

— Дом-то этот расселен уже, — пояснил он, — оттого и все комнаты пустые. Кто здесь прописан, тому другую площадь дали, а этот вроде сносить собрались. Старуха напоследок решила деньжонок срубить. Сколько она с тебя взяла-то?

— По две с половиной тыщи за три месяца... — помертвевшими губами ответила я, как уже говорилось, я обычно сразу отвечаю на поставленный вопрос.

— Ну вот, — он снова заржал, — хорошая прибавка к пенсии. А ты небось оттого и польстилась на хоромы, что так дешево? Эта Викентьевна — та еще пройда, я уж знаю!

— А ты сам-то что тут живешь, и в новую квартиру не переезжаешь? — спросила я.

И тут же получила исчерпывающий ответ:

— А тебе какое дело?

Я развернулась и побежала в комнату, где схватила подписанный мною и старухой договор, там внизу был записан номер телефона. Мобильного кстати. И естественно, телефон ответил равнодушным женским голосом, что набранный мною номер не обслуживается.

Менеджер агентства недвижимости Антон Фокусов трубку взял, но слышно было очень плохо из-за громкой музыки. Он меня не понял или просто сделал вид.

— Черт знает что! — я в сердцах бросила аппарат.

— Не суетись, — примирительно заговорил сосед, притащившийся за мной, — может, и протянешь сколько-то времени. Главное — держись потверже, никого сюда не пускай.

И снова его левый глаз нахально подмигнул мне, а рот дернулся в сторону.

Мне вдруг стало так тошно, что хоть волком вой. Что со мной происходит? Отчего буквально за месяц моя более-менее налаженная жизнь покатила под откос и я падаю все ниже и ниже? И нет никого рядом, кроме этого убогого... рот на сторону, нога выворочена, глаз дергается...

— Меня Федя зовут, — представился убогий, — а фамилия — Чемоданов. Соседями будем, значитца...

И тут погас свет.

— О! — вроде бы даже обрадовался Федя. — Они вечером всегда выключают, потому что на нас энергии не хватает. Не бойсь, у меня свечка есть!

Он презентовал мне огарок свечи и проводил на кухню. Газ, к счастью, не отключали, так что чаю мне выпить все же удалось.

Следующий день я потратила на то, чтобы привезти свои вещи из камеры хранения и купить кое-что из продуктов. Я несколько раз звонила Антону Фокусову и жаловалась ему на хитрую старуху, но он держался твердо — ничего, мол, не знаю, бабка предъявила свидетельство о собственности на комнату и паспорт, чего же еще-то... Куда она переехала, он понятия не имел и в качестве координат старухи дал мне все тот же номер мобильного телефона, который не обслуживался. Ищите в жилконторе, там должны быть сведения о выбывших жильцах, посоветовал Фокусов на прощанье.

Я долго искала жилконтору, а когда нашла, то ужаснулась, потому что там толклось огромное количество народа. И все ругались и орали. Пока я пролезала к нужной двери, у меня разрезали сумку и вытащили косметичку, которую на ощупь приняли за кошелек. Это оказалось гораздо хуже, потому что

в кошельке - то лежало всего рублей семьсот, а оставшиеся деньги я положила в косметичку. Всего несколько тысяч, но они были последние... Я побоялась оставить деньги в комнате, и вот пожалуйста... Говорю же — дура полная!

Очередь возле двери ко мне сочувствия не проявила и в кабинет не пропустила, так что я отправилась обратно, ничего не добившись, да еще и лишившись последних денег и всей косметики.

Федя был дома, но в коридор не вышел, чему я была только рада. Я напилась крепкого чая с булками, как раз успела до того, как свет выключили.

После чая снова нахлынула тоска, но если вы думаете, что я легла на диван, захлебываясь от рыданий, то глубоко ошибаетесь. Мы с моей матерью похожи только в одном — мы никогда не плачем. Ни от боли, ни от обиды, ни от тоски. И в детстве я тоже не плакала. Наверно, у нас просто нет слезных желез.

И вот я проснулась сегодня утром в чужой комнате, без работы, без денег, без необходимых вещей и без надежды это все получить в ближайшем будущем, и лежу, перебирая в памяти эпитеты, которыми можно наградить такую дуру, как я.

Сквозь неплотно задернутую занавеску мне виден далекий край неба. Судя по всему, солнца сегодня не будет, небо серое и унылое. Может, вам интересно, отчего я валяюсь на диване вместо того, чтобы срочно искать работу? Отвечу.

Институт в свое время я закончила, но образование не имеет к моей профессии никакого отношения. Работала я на телевидении ассистентом режиссера на шоу «Выбери меня!». Это когда

мужчины и женщины выбирают себе пару из шести претендентов, а психолог и дама из брачного агентства рассказывают телезрителям, правильный ли они сделали выбор. На самом деле шоу, конечно, постановочное, вот за это я и отвечала. Работенка та еще, если какие-то накладки, то все шишки валются на меня, если же передача прошла гладко, то про меня и не вспомнят. Платили, однако, неплохо, и с режиссером у меня были отношения нормальные.

До тех пор, пока я не сообщила, что увольняюсь и уезжаю в Штаты. Разумеется, я никого не посвящала в свои планы до самого конца, и уволилась, когда была уже продана квартира и куплены билеты на самолет. И конечно, режиссер дико разозлился, потому что в процессе работы брать в шоу нового человека очень неудобно. Он орал, что я должна была предупредить его заранее или вообще не увольняться до окончания шоу. Я не удержалась и высказалась в том смысле, что, может, шоу еще десять лет будет идти, что ж мне, так и ждать у моря погоды?

Как выяснилось, это я сказала зря, потому что секретарша начальника Вика сообщила мне в тот же день приватно, что шоу наше висит на волоске и вряд ли протянет до лета. Режиссер и так нервничает, а тут еще я уволилась. Тогда я только пожала плечами и спокойно выслушала его прощальные слова о том, что на нашем канале мне больше не работать, уж он за этим проследит. Не то что ассистентом режиссера в приличное шоу, девчонкой на побегушках не возьмут, кофе гостям подавать не доверят, буду проситься полы мести на телестудии — и то не примут! Да ради бога, хмыкнула я и закрыла за собой двери канала.